

Памяти Владимира Шляпентоха

На сайте [«Международная биографическая инициатива»](#) есть раздел, где российские социологи чествуют юбиляров, вспоминают ушедших из жизни и празднуют их достижения. У каждого автора памятных заметок свой стиль, свое видение того, что жизненно важно в человеке. Перечитывая эти показания, начинаешь лучше понимать самого свидетеля. Володя Шляпентох оставил немало свидетельств такого рода о своих коллегах и о себе:

Владимир Николаевич Шубкин был и является героем моего романа. [Э]то человек, у которого главной личностной доминантой является чувство собственного достоинства... Шубкин не объявлял открытую войну партии и КГБ, но он был глубинно поглощен всю свою жизнь тем, чтобы не сделать ни одного жеста в пользу системы, перетупить порог дозволенного из страха карьеры.

Владимир Александрович человек с редким равнодушием к власти и ее атрибутам. Он удивительно не чванливый человек, уважающий своего шофера не менее чем достойного коллегу... Ядов выглядит для многих в Москве таким интеллектуальным чудачком, Дон Кихотом, не понимающим, что сейчас не время заниматься чистой, никому не нужной наукой. Увы, видимо, слабеющая империя была лучшим местом для интеллектуального развития. Ни постсоветская Россия, ни богатая Америка для этого не годятся, особенно первая. И Володя Ядов (и только он для меня) в сегодняшней Москве видится мне, как последний интеллектуальный осколок прошлого.

Юрий Левада был убежденным и последовательным. В этом суть. Такой индивидуальный склад, помноженный к тому же на безукоризненную научную честность и человеческую порядочность, об обаянии личности не говорю, составлял чрезвычайную редкость и притягивал к нему многих. Но многих – а их было куда больше! – отталкивал. Давайте осознаем, насколько он противоречил всей антропологии советского общества и человека, сколько бы названный разваливающийся социум и его руководящие органы ни пытались подобные качества переиначить на свой куцый салтык, присвоить себе и на правах морального кодекса.

Игорь Кон был глубоко уважаемым ученым не только в России, но хорошо известным социологом в мире. Он был, по сути, первым, который в после

Сталинский период бросил вызов государственному коллективизму, воспел личность и даже индивидуализм... его роль была ролью просветителя, он гарантировал нашу социологию от того, чтобы она не была провинциальной, чтобы она не замыкалась внутри страны. И он был гарантом того, что влияние официальной идеологии на социологию было минимально.

[К]огда я покидал страну в апреле 1979, в весьма политически тягостное время, у него и его Тани, видимо, не было и мгновения колебаний устроить мне специальный прощальный прием. Не так уж много моих знакомых и коллег решились тогда на это (с друзьями было все в порядке). [Леня Гордон] был в 60-80 годы одним из немногих социологов его класса не членом партии... Леня, великий и может быть последний романтик моего поколения, был эмоционален во всем – в спорах, в его любви к искусству, в его поклонении женской красоте. Мы-то не забудем Леню. Будем надеяться, что и следующие поколения социологов будут хоть немного помнить о том, что во второй половине XX века в России был яркий, оригинальный, талантливый добрый и славный человек – Леня Гордон.

Подчеркнуто независимый, бесконечно любознательный, щедрый с коллегами и учениками, Шляп, как его называли друзья, ценил в людях качества, которые отличали его самого. Он блистал эрудицией и заражал своим энтузиазмом, но мог своевременной шуткой охладить полемический пыл. Таким он мне запомнился, когда я впервые его увидел в начале 70-х во время его командировки в ленинградские сектора Института конкретных социальных исследований. Таким же он предстал много лет спустя на съезде американских социологов, кажется в Нью-Йорке, где мы встретились после его эмиграции.

Шляп мог позвонить среди бела дня, чтобы поговорить о Канте и феноменологии. Или рассказать о своем последнем проекте. Мы спорили об огосударствлении российской социологии, о возможностях возврата к тоталитаризму в России, о роли консервативного движения известного в Америке под названием Tea Party (Володя видел в нем реакцию на вашингтонскую бюрократию), и многом другом. Шляпентох считал своим долгом высказывать оппоненту свое мнение без обиняков, даже если это задевало за живое. Но мог с не поддельным восторгом отозваться о чьей-то "гениальной" идее. На [Форуме по биографике и биокритике](#) сохранились

многие из наших горячих дебатов о советской и постсоветской социологии, о невидимом колледже и судьбах российских социологов за рубежом, о достоверности личных свидетельств и биографических интервью... При всех расхождениях не возникало сомнений в доброжелательности Шляпа.

Володя мне чем-то напоминал Эрвинга Гофмана, канадско-американского социолога с российскими корнями. Он встречался с ним в Америке и оставил в [Архивах Гофмана](#) интересные воспоминания об этом самом цитируемом американском социологе, которым он одно время восхищался. Оба ученых отдавали науке все свои силы и не отгораживали профессиональные интересы от прочих. Оба находили социологически значимое в тривиальных вещах и остро ощущали личностное начало в макросоциальных процессах. Оба олицетворяли *bios sociologicus* – жизнь как воплощение научного поиска, характерная для интеллектуалов милостью божией.

Несколько лет назад Володя опубликовал на своем блоге заметку [О роле тоталитарного опыта в мой жизни](#). Эта попытка осмыслить американскую культуру в свете советского опыта выражает амбивалентность эмигрант-социолога, благодарного стране предоставившей ему убежище но не заменившей ему родину. В заметке этой Володя размышляет о скрытых достоинствах советской империи эпохи упадка и критикует местные институты и политическую корректность американских ученых. Парадоксальность, желание свести в одну систему координат, казалось бы, несовместимые идеи пронизывают этот документ. Пусть он напомнит о человеке, с которым нам посчастливилось делить судьбу.

Дмитрий Шалин
Лас-Вегас
7 октября 2015 г.